

ПЕРВЫЙ
ИГРОК
АПОКАЛИПСИСА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

— АНДРЕЙ ПРОХОДСКИЙ —

Андрей Проходский
Первый Игрок Апокалипсиса

«Автор»

2026

Проходский А.

Первый Игрок Апокалипсиса / А. Проходский — «Автор», 2026

Стас слеп, но, несмотря на потерю зрения, он никогда не сдавался и шел к своей цели, прокладывая путь трудом и потом. Капсула виртуальной реальности, выигранная в лотерею, должна была подарить ему новую жизнь и шанс осуществить мечты. Но вместо этого стала его тюрьмой и одновременно единственным шансом пережить конец света, пока снаружи сквозь прочный корпус ломится толпа хищных тварей, что когда-то были обычными людьми. Но Стас нашел выход и сейчас, он всегда его находил, чтобы ни происходило. И он спасся, правда, как говорится, всегда есть нюанс. Теперь он заперт между реальностью, где заражённые рвут людей на части, и виртуальным миром, который сгенерировался с ошибками, но продолжает хранить в себе десятки тайн и секретов. Отныне каждый полученный уровень — это не блажь, а лишь еще один шанс на выживание в этом безумном мире... В обоих безумных мирах.

© Проходский А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Первый Игрок Апокалипсиса

Пролог

БУМ... БУМ... БУМ...

Глухие, ритмичные удары шли из-за преграды, но всё равно отдавались эхом прямо в моей голове. Казалось, вибрировал не только корпус капсулы, но и кости черепа. Эти давящие на разум звуки пробивались сквозь толщу композитной крышки капсулы виртуальной реальности — моего последнего убежища, моей «прелести» и как казалось мне ранее моего единственного билета хоть к какому-то будущему.

БУМ... БУМ... БУМ...

Снаружи по ней молотили безумные твари. Они сгрудились вокруг моего последнего в этом мире убежища, как стая голодных собак вокруг мусорного бака. И их было много. Я их не видел, но отчетливо слышал жалея что ко всему прочему не оглох ведь мои уши и кожа рассказывали мне куда больше, чем любая картинка.

В звуках ударов была тупая, животная настойчивость. Хлёсткие влажные шлепки окровавленной плоти по композиту, скрежет голых костей о гладкий материал крышки, хруст чего-то мягкого, перемалываемого в кашу под их ногами. Звук был настолько омерзительным, что казался почти осязаемым — вибрация прокатывалась по телу, заставляла внутренние органы дрожать в такт ударам.

БУМ... БУМ... БУМ...

Паника накрыла меня, как волна ледяного океана, — не яркая, а тяжёлая, вязкая, острая и одновременно слепая. Я попытался закричать, но горло сдавил болезненный спазм. В лёгких не осталось воздуха — будто весь его вытряхнули и заменили освободившееся место песком.

Я попытался дёрнуть хоть какой-нибудь частью тела, чтобы доказать напуганному разуму, что это реальность, а не очередной ночной кошмар. Пальцами, рукой, ногой — чем угодно. Но паралич был абсолютным. Будто я был уже окончательно мертв, а капсула виртуальной реальности была моим гробом. Но это было не так. К сожалению. Я был жив и лишь моё сознание, как маленькая испуганная птица, билось о прутья клетки неподдающегося контролю тела.

БУМ... БУМ... БУМ...

«Капсула». — слово вспыхнуло в черноте моего разума, как сигнальная ракета. Моё сокровище, моя тайна, мой единственный шанс выжить — стала моей тюрьмой. Я сам закатался в эту консервную банку, сам отрезал себя от мира, а теперь оказался запечатан внутри, без доступа к управлению.

И самое мерзкое — она была мертва. Ведь я не удосужился подключить ее к энергосети. Правильно, какой в этом смысл, ведь до запуска проекта еще два месяца. Идиот, какой же я идиот.

Важно было другое: эти удары... это не виртуальная симуляция, не скриптованный ивент в игре. Они были снаружи. И они были реальны.

БУМ... БУМ... БУМ...

Утопающий в пучинах ужаса разум наполнился калейдоскопом несвязных образов. Вспышки воспоминаний, обрывки новостей, которые когда-то давно до меня пыталась донести Офелия. Всё это складывалось в чудовищную мозаику.

Вспышки необъяснимой агрессии. Слухи о новом штамме старого вируса, сначала где-то далеко, «у них», потом всё ближе «к нам». Странные ролики из соцсетей, где люди бросались друг на друга, кусались, рвали зубами плоть. Необычные действия финансовых гигантов, сво-

рачивающих проекты и молча перегоняющих деньги в «тихий порт». Закрытие границ. Локдаун, который должен был быть временным. Потом — очередное ЧП в биологической лаборатории. И всё это я игнорировал, уходя глубже в свой подвал, прячась за задачами, схемами, железом.

Мои мысли на секунду стали настолько ясными, что даже затмили собой панику. Цепочка событий сложилась в одну простую, мерзкую но отчетливую фразу.

Апокалипсис случился.

Пока я отгородился от всего в своём углу, пока я возился с капсулой, отработками, батареями и запасами, мир снаружи умер и возродился в виде этого кошмара. Твари, бьющие по корпусу, были его новой плотью.

БУМ... БУМ... БУМ...

«Питание. Нужно внешнее питание, идиот!» — мысль вспыхнула ярко и болезненно. — «Аварийный порт где-то снаружи, на корпусе. Там, где они».

Отчаяние сменилась леденящей, почти спокойной решимостью. Я не умру здесь, в этой консервной банке, даже не увидев... даже не «увидев» собственного убийцу. Я должен попытаться. Должен выбраться. Должен...

Глава 1

Сознание вернулось ударом, я дернулся, будто кто-то вломил мне в грудь кувалдой. Я не просто проснулся — меня словно выбросило из темноты в бетонную стену реальности. Сначала была только тяжесть собственного тела, придавившая к матрасу. Я не "видел" ничего — привычная, знакомая тьма. Зато чувствовал всё остальное.

Я несколько секунд просто лежал, вцепившись пальцами в край матраса, слушая своё собственное дыхание. Оно было рваным, судорожным, и каждый вздох давался с усилием, будто кто-то только что держал меня под водой.

Память подкинула последние кадры сна. Это был уже привычный до боли образ того рокового дня. Последнее подбадривающее подмигивание отца, последняя улыбка матери, последний луч солнца, ослепивший меня сквозь лобовое стекло. Я скрипнул зубами, будто пытаюсь сжать ими сам кошмар, и в этот момент в голову вонзился новый звук.

Настойчивый, режущий слух рингтон разрубил остатки сна, как бензопила. Безумный кавер на «Токийского гуля» от японской певицы Ado, который я когда-то по дурости поставил на контакт единственного человека, кто мне вообще мог позвонить.

— Выключи звук... — хрипло выдавил я.

Система голосового управления умным домом послушно щёлкнула где-то в тишине, и резкая мелодия оборвалась на полуслове, оставив после себя звенящую пустоту подземелья.

— Активировать громкую связь, — добавил я, заставляя голос звучать ровно.

— Алло, Стасян! — голос Артёма ворвался в подвал, как прожектор в склеп. — Привет! С праздником тебя, братик родной от мамы другой!

От его бодрости захотелось зажмуриться ещё сильнее, хотя физически зажмуриваться мне уже было абсолютно незачем. Я провёл рукой сверху вниз по лицу, счищая крупные капли пота со лба, чувствуя под пальцами жёсткую щетину на щеках и подбородке.

— С каким ещё праздником? — спросил я, и искреннее удивление наконец окончательно вытолкнуло остатки сна из головы. Разум щёлкнул, включился.

— Ну, Хэллоуин, ты что, забыл, что ли? — и эта фраза Артёма звучала почти оскорблённо. Если бы я знал его чуть хуже, то точно бы поверил в его очередную клоунату.

— Ты же знаешь, что я эту хрень не праздную, — отрезал я, и раздражение потихоньку вытесняло липкий страх кошмара. — Лишняя трата времени и сил, которая мне вообще не упала.

— Вот ты душила, Стасян, как всегда, — фыркнул он. Я представил его рожу: самодовольную, усмехающуюся. — Ладно, потом поспорим, у меня времени мало. Слушай внимательно. У вас там экстренная ситуация.

После его слов я напрягся. Когда Артем говорил таким тоном, значило лишь одно. Он в этот момент абсолютно серьезен.

— Конкретнее, — потребовал я, и голос сам стал кратким, командным.

— Наводи порядок в своём склепике, прячь свою «прелесть». К вам едет ревизор. Внеплановая проверка студентов перед новогодними сборами. — Он сделал короткую паузу, будто давая мне время понять сказанное. — Будут у тебя к десяти. Прячь запрещенку, иначе проблем не оберёшься. Я как только узнал от отца, сразу со свадьбы сестры сорвался, чтобы предупредить. Так что держу кулаки, братик. А еще хочу тебе похвастаться, я все-таки смог достать такую же как у тебя капс... — на середине его фразы связь оборвалась, оставив в воздухе только короткое шипение динамика и моё собственное тяжёлое дыхание.

— Черт, местные вояки опять глушилку включили, походу — от досады я чуть не сплюнул на пол своего жилища. — Как же надоели эти траблы со связью в регионе. — попенял я на судьбу, не вставая с кровати, начиная привычный за годы набор упражнений, размышляя о том, что там сказал Артем, пока связь не накрылась медным тазом.

И тут в голове что-то щёлкнуло, подобно затвору. Мысли рванули вперёд, пересекаясь, сталкиваясь, превращаясь в нестройный поток: «ревизор», «проверка», «капсула», «подвал», «документы», «квоты», «вылетишь». Всё это завертелось в тугой вихрь.

— Так, который час? — выдохнул я в темноту, вцепившись руками в простыню.

— Девять часов сорок минут, — безразличный, синтезированный голос умных часов прозвучал как приговор.

Я на секунду завис. Потом до меня дошло.

— Чёрт, чёрт!.. — воздух выскочил из лёгких вместе со словом. — Двадцать минут... Я не успеваю!

Тело среагировало раньше мыслей. Я рывком поднялся с кровати, сбросил с себя мокрое, тяжёлое одеяло. Оно шлёпнулось на пол и тут же потерялось в темноте, но мне было не до него. Я привычным, отработанным годами движением опустил босые ноги на холодный, почти ледяной плиточный пол.

Холод ударил в ступни, пробежался мурашками по коже. Я поёжился, окончательно просыпаясь, потянулся пальцами ног, нащупывая знакомую пару тапочек — но тут же вспомнил про время и просто оттолкнулся руками от матраса, резко вставая. Нет времени для привычных утренних ритуалов.

Я не видел комнату, но каждый сантиметр этого пространства был прописан в теле отдельной строкой кода. Первый шаг — чуть вперёд, пальцы правой руки тянутся к краю старого, потрёпанного канцелярского стола. Я провёл по нему ладонью, как по нити Ариадны, считывая знакомые шероховатости древесины, глубокие царапины от давно умершей техники. Ещё шаг — пальцы скользнули по отполированному временем участку, где лак стёрся до матовой основы.

Ещё шаг. Ладонь нащупала рваное отверстие от пули в столешнице — немое напоминание о прошлой жизни этого места, когда этот стол был не частью моего подвального интерьера, а безмолвным свидетелем страшных событий. Пулевое отверстие — это хороший маркер для того, кто, даже изучив свое временное пристанище наизусть, все равно продолжает передвигаться на ощупь. Отсюда — два шага до раковины.

Стол закончился, и я сделал аккуратный шаг вперёд, прислушиваясь к звуку капель. Капель — тонких, едва слышных, но знакомых. Смеситель в моей здешней раковине пропускал воду, и эта капель не прекращалась ни на секунду, создавая постоянный поток серого шума здесь, в подземелье.

И вот пальцы наткнулись на прохладный пластик чехла с зубной щёткой на краю раковины. Я машинально подцепил его, почувствовал привычный вес — и тут же отложил в сторону. Не сейчас.

Вместо этого я резко повернул налево, сделал два коротких, выверенных шага. Кожа ладони встретила с шершавой, холодной поверхностью стены. Пальцы пошли вверх-вниз, пока не нашли едва заметный выступ — начало узкого многоярусного стеллажа, набитого коробками, инструментами и всяким железным хламом, который я любил больше многих людей.

Движение по пыльной полке — и вот она. Холодная, ребристая поверхность маски. Магнитное крепление щёлкнуло пальцами, когда я стянул её с зарядного устройства. Металл отдался легким звоном звукового сигнала.

Я не видел собственное лицо уже давно, но мог прикинуть его контуры по ощущениям пальцев. Маска, наоборот, казалась знакомой, почти родной. Я поднёс её к голове, к тому месту где когда то были глаза, поймал нужный угол, и она словно сама легла на своё законное место. Магниты мягко, но неумолимо схватились за металлические площадки, вживлённые в кости черепа вокруг пустых глазниц.

Раздался новый, более громкий щелчок. Я инстинктивно вжал голову в плечи, весь сжался, ожидая...

Через долю секунды в мозг воткнули раскалённый стальной прут. Боль прошла череп, хлестнула по каждому позвонку, пробежалась током по нервам. На миг я выгнулся дугой, пальцы судорожно сжались.

Три секунды. Я считал их каждый раз. Одна. Вдохнуть не получается. Две. Зубы скрипят. Три. И вот наконец, пытка закончилась.

Я выдохнул, медленно, выталкивая воздух из груди, и позволил миру сложиться заново. Не как раньше — без красок, без привычных линий, но хоть как-то.

Сначала был хаос. Серый, шевелящийся снег помех залил всё поле зрения. По нему плясали зелёные и фиолетовые полосы, искривлённые, ломанные линии. Картинка дёргалась, дрожала, но я научился вычлнять из неё полезное. Смутные, полупрозрачные контуры комнаты, пятна, силуэты, блики — мозг, дрессированный годами, цеплялся за каждую крошку информации и собирал из них карту мира.

Имплант, вкрученный в зону мозга, которая когда-то отвечала за зрение, наконец «схватил» сигнал. В глубине черепа щёлкнуло — и визуальный шум стал ровнее, понятнее. Я смог выдохнуть уже без шипения.

Первое, что прорисовалось более-менее узнаваемым пятном, — моя «прелесть»: массивная капсула виртуальной реальности. В сером снежном тумане она выглядела как чёрный, тяжёлый, неровный силуэт напротив кровати. Я заранее завалил её тряпьем и старыми коробками, чтобы скрыть форму от чужих глаз. Сейчас это импровизированное маскировочное одеяло рисовалось беспорядочными углами и пятнами.

Сокровище, которое я скрывал от всего мира. Источник моих надежд на будущее и мои же главные страхи в настоящем, ведь эта вещь была не самой законной в нашей стране.

Я машинально отметил её положение, обвёл взглядом контуры комнаты — и сорвался с места. Времени просто не было.

Я рванул к двери, ведущей из моего «спальника» в операторскую. Помехи плясали, но я уже научился доверять не только им, но и памяти тела. Я проскочил через проём, не задев

коробки, мимо молчащих, слепых мониторов, которые торчали вдоль стен, словно обиженные идола.

Я выскочил в широкий коридор, который почти сразу проваливался в кромешную тьму. Маска показывала его как длинное серое горло, уходящее куда-то вперёд, с чёрными провалами по бокам — это были заколоченные досками проходы. Здесь когда-то были боксы и подсобки, теперь — только щели, сквозняки и эхо шагов.

Добежав до выхода, я упёрся руками в решётчатую дверь тамбура. Холодный металл приятно обжёт ладони, немного отрезвив. Я никогда по-настоящему её не закрывал — использовал как удобную вешалку для верхней одежды.

Сдернув с неё грубый, тёмно-синий, пахнущий пылью и машинным маслом, но все же чистый рабочий комбинезон, в который я буквально запрыгнул. В этот момент он был не просто старой тряпкой, а почти скафандром — моим официальным «костюмом студента-практиканта», моим пропуском наверх. Торопливо застегнув молнию, дёрнул за край, чувствуя, как ткань стягивает грудь.

Я бросился туда, где хранилась обувь. И это была моя ошибка, фатальная ошибка.
— А-а-а, чёрт!.. — крик с губ сорвался сам собой.

Нога с размаху врезалась в тяжёлый металлический предмет. Глухой удар, звон, и через мгновение взрывная, острая боль пронзила мизинец, расплескалась по стопе и дальше вверх по ноге. Я стиснул зубы так, что еще чуть-чуть и они начнут крошиться.

Причиной моей боли оказался домкрат — та самая тупая железка, которую вчера притащил Петрович со словами: «Сынок. Если время будет, "посмотри" что с ним. А то скрепит странно, страшно под машину лезть». И естественно положил его возле входа, чтобы я его сразу нашел. А я ведь и нашел, да так, что чуть ногу не сломал.

— Да чтоб тебя, железяка поганая... — процедил я, отшвыривая домкрат ногой в сторону. Он с глухим грохотом врезался во что-то и затих.

Палец горел, пульсировал болью, но времени, чтобы посочувствовать себе, не было. Я почти на ощупь нашёл грубые, прочные ботинки, сунул в них ноги, даже не утруждаясь завязать шнурки. Толкнул массивную, скрипящую дверь подвала, с усилием отодвинул её в сторону — ржавые петли жалобно взвыли.

Я выскочил на бетонную лестницу, ведущую наверх. Каждый шаг отдавался глухим стуком. Ещё одна дверь — уже деревянная, с облупившейся краской и знакомой, шершавой ручкой. Я толкнул её плечом и оказался в офисной части склада.

Здесь пахло по-другому. Старой бумагой, пластиком, картоном, смешанными запахами тонера и дешёвого растворимого кофе. Маска показывала кучу прямоугольников — стеллажи, столы, шкафы, — но я давно не полагался только на неё. По левую руку — узкий коридор, по правую — боковая дверь, ведущая прямо на улицу. К счастью, она была не заперта. Я всегда убеждал Петровича оставлять её открытой «на случай эвакуации».

«Хоть какая-то удача», — промелькнула мысль.

Я выскочил на улицу. Холодный осенний утренний воздух ударил в лицо, обжёт лёгкие после густой, влажной атмосферы подвала. Я на секунду замер, давая себе возможность почувствовать пространство.

Маска выдала мне набор серых пятен — здания, забор, пустота над головой. Где-то слева блеснул прямоугольник — крыша машины или окна. Я рванул в сторону КПП, ориентируясь и по памяти, и по грубому рисунку из помех.

И едва не влетел во что-то плотное и увесистое.

— Куда бежишь, сынок? Убегаешь аль кого догоняешь? — хриплый, прокуренный голос местного охранника Петровича прозвучал спокойно и даже лениво.

Я почувствовал его ладонь на своём плече — тёплую, мозолистую, тяжёлую. Он чуть развернул меня, как неторопливый буксир разворачивает торопливую лодку.

— Проверка, дядь Петь! — выдохнул я. — Приезжает. Я проспал.

— Проверка, говоришь... — протянул он, чуть сильнее сжав плечо, чтобы я перестал дёргаться. — Да вон же она, твоя проверка, на въезде.

Он кивнул куда-то вперёд, и маска подхватила направление. Я сфокусировался. Вдалеке, у ворот, действительно стояли два вытянутых тёмных прямоугольника, явно микроавтобусы. Вокруг них шевелилось несколько десятков смазанных, неясных силуэтов. Люди выходили из машин, ходили вокруг, собирались кучками. Картинка дрожала, но шум от них, который я смог расслышать, был вполне отчетливым ориентиром.

— Два чёрных автобуса, целая толпа народу, студенты, начальство... — перечислял лениво Петрович. — Ходят, суетятся, шумят, порядок тут нарушают. Пиджаки, млин.

Последнее слово он выдохнул с таким презрением, что мне даже стало немного легче. Пиджаки — это его персональный враг, извечный. Он сплюнул в сторону.

— Ладно, дерзай, сынок, — буркнул он. — Выкручивайся с этой своей проверкой, а я пойду кофейку выпью.

Он отпустил моё плечо и неспешной, слегка шаркающей походкой направился обратно к своей сторожке. Я остался стоять, всматриваясь в мерцающую, искажённую картинку, которая с грехом пополам рисовалась маской.

Да, два тёмных, вытянутых пятна микроавтобусов. И множество фигур, сливающихся в беспокойное, движущееся облако. Голоса, смех, возгласы — всё это смешивалось в один большой шум, от которого хотелось снова спрятаться под землю.

Я сделал глубокий, прерывистый вдох, пытаюсь унять дрожь в руках и выровнять бешеный ритм сердца. На выдохе заставил себя идти не рывком, а более-менее спокойно — настолько спокойно, насколько вообще способен идти человек, который вот-вот может лишиться всего.

Я двинулся к основной группе студентов, ориентируясь по гомону. Маска превращала каждого в полупрозрачную серую фигуру, без лиц, без деталей, как персонажей старой игры на минимальных настройках. Я слушал больше, чем «смотрел».

— Эй, смотрите, мы тут время тратим, а он уже в костюме! — донёсся до меня басовитый голос парня где-то впереди.

— Сегодня же Хэллоуин, да? — вкрадчиво протянул тонкий девичий голос.

Кто-то хихикнул. Моя маска тихо шуршала помехами, подбрасывая мне размытые силуэты. Люди были как пятна на тепловизоре, только вместо температуры я улавливал их по голосу, манере, тембру.

Я на секунду вспомнил первый день, когда меня сюда привезли. Тогда, вылезая из подвала в этом комбинезоне и маске, я напугал Петровича до икоты. Он посмотрел на меня, ухмыльнулся и сказал:

«Ну ты и вырядился, парень. Прямо как тот выживальщик из старой игры, про убежище 101».

Я тогда не сразу въехал, о чём он, но позже, прочитав про Fallout, оценил шутку. Мой подвал в самом деле был для меня Убежищем. А комбинезон... был частью моего костюма выжившего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.